

Е. В. СТАРОСТИН

Анархистская модель

<Фрагменты>

Анархизм — социально-политическое течение, провозглашающее своей целью освобождение личности от всех разновидностей политической, экономической и духовной власти. Для анархизма характерным является: враждебное отношение ко всем разновидностям государственной власти (в том числе так называемой пролетарской), защита мелкой частной собственности, мелкого землепользования, отрицание крупного производства, межнациональных компаний, отказ от всех легальных форм политической борьбы и проповедь тактики «прямого действия», «пропаганда фактом», требование немедленной социальной революции и установление безгосударственного коммунистического строя.

Исследователи общественной мысли не раз пытались изложить синтетическую историю анархистской теории и всякий раз их ждало разочарование, ибо соединить несоединимое было невозможно. Проиллюстрируем это положение на ряде примеров. Так, диапазон оценок и суждений теоретиков анархизма о праве как понятии и о его функциональном проявлении был крайне широк: от полного его отрицания (У. Годвин, М. Штирнер, Л. Толстой) до признания его существования и даже полезности в определенных границах (П. Прудон, М. Бакунин, П. Кропоткин, Б. Теккер). Как в первой, так и во второй группе анархистских теоретиков имелись существенные нюансы в объяснении мотивов отрицания права. Если Годвин отвергал существующее право потому, что оно мешает всеобщему благу, Штирнер — личному счастью, Толстой — любви, которая одна является законом для человеческого общежития, то другие — Бакунин и Кропоткин,

полагали, что обычное право вполне может заменить «письменное право», которое лишь увековечило эксплуатацию слабого сильным. При этом Бакунин и Кропоткин отрицали не право вообще, а те сложившиеся правовые нормы, которые противоречили естественному «общечеловеческому праву». Они резко критиковали существующее право, поскольку оно на протяжении человеческой истории приняло самые безнравственные формы и продолжает все больше и больше удаляться от понятия справедливости. «Равенство во всем — синоним справедливости. Это и есть анархия»*. В отличие от Бакунина, Кропоткин настаивал на биосоциальной природе права, на многофакторной обусловленности норм человеческого общежития. Понимание, что есть «добро», а что есть «зло», по мнению Кропоткина, пришло к человеку генетически из мира природы. Доминирующий в природе закон «взаимной помощи» как в животном мире, так и в человеческом общежитии способствовал установлению норм, правил, обычаев, строго определяя условия существования и выживания индивидуумов. Эти естественные «зачатки права» впоследствии были искажены алчностью, хитростью, жадностью людей и, таким образом, был нарушен единый критерий социальной нравственности, функционирующий во всех объединениях живых существ. Это утверждение не исключало пространственно-временной специфики в понимании «добра» и «зла». Кропоткин высказал мысль, что чувство равноправия заложено самой природой и является следствием «строения нашего мыслительного аппарата... двустороннего или двуполушарного строения нашего мозга»**.

Законодательство, являющееся следствием господствующего права, также отрицалось анархистами. В частности, представители «классического» анархизма видели, что современное им законодательство является преемником обычного права. Однако эти нормы постепенно вымывались власть имущими, которые все больше и больше вводили положения, облегчающие и закрепляющие эксплуатацию большинства паразитирующим меньшинством. В свою очередь представители постклассического анархизма — А. А. Боровой, А. А. Карелин, А. М. Атабекян, А. Л. Гордин, П. Д. Турчанинов (Лев Черный), А. А. Солоно-

* Кропоткин П. А. Нравственные начала анархизма. Лондон, 1907. С. 38.

** Кропоткин П. А. Справедливость и нравственность. Пг.; М., 1921. С. 38–39.

вич — критиковали «классиков» анархизма за идеализацию норм обычного права. Атабекян считал, что анархизм отрицает не право вообще, а «монополию за государственной властью устанавливать правовые нормы и принудительно их проводить в жизнь»*. По мнению «постклассиков», не возвращение к правовым нормам догосударственного периода, а, напротив, развитие права на базовых понятиях общительности ведет к процветанию жизни людей.

Неоднозначным было отношение теоретиков российского анархизма и к проблемам собственности. В отличие от Прудона, Штирнера, Толстого, отрицавших институт собственности, Бакунин и Кропоткин признавали целесообразность его существования в будущем. Первый допускал право собственности на предметы потребления, когда писал, что «на ближайшей ступени развития человечества, к которой придет человечество, собственность подвергнется преобразованию, по которому частная собственность на предметы потребления еще будет существовать, но земля, орудия труда, как и весь остальной капитал, сделается общественным достоянием. Будущее общество будет коллективистским»**. Кропоткин же шел еще дальше и категорически отрицал любые виды собственности, кроме общественной. Однако и он не настаивал на немедленной национализации мелкого производителя, базирующегося на личном труде.

Представители постклассического анархизма к проблеме собственности подходили утилитарно. Вопрос о зрелости или незрелости объективных условий для перехода к коллективистским (коммунистическим) формам хозяйствования для них не имел особого значения. По их мнению, земля немедленно должна перейти в руки тех, кто на ней работает. Фабрики, заводы, мастерские также должны быть переданы в руки рабочих союзов. «Берите фабрики и заводы, рабочие, и устраивайте свою жизнь своими руками, — писали анархисты Кронштадта. — Захватывай, крестьянин, землю. Ибо кто не берет, тот и не имеет»***. Требования социализации всего хозяйства звучали повсеместно. Разрушающую и вместе с тем созидающую силу лидеры неанархизма видели в фабрично-заводских комитетах, которые

* Атабекян А. Децентрализация права // Почин. 1922. № 2. С. 7.

** Цит. по: Эльбахер П. Сущность анархизма. [1917]. С. 105.

*** Вольный Кронштадт. 1917. 2 октября.

противопоставлялись ими не только профсоюзам, но и политическим партиям. В будущей системе хозяйственной жизни на первое место они, вслед за Кропоткиным, выдвигали примат потребления, средства удовлетворения которого неизбежно будут найдены обществом.

Несмотря на значительный разброс в теоретических вопросах, у анархистов всех направлений и течений имелся пункт, который их объединял — это отношение к государству. Анархисты как целое выступали бескомпромиссными противниками института власти во всех его проявлениях: шла ли речь о монархии, республике или государстве диктатуры пролетариата. Бакунин не раз подчеркивал эволюционный характер перехода из «царства животности» в «царство свободы». Притом религия и государство у него выступали неизменными атрибутами ранней ступени развития человека. Государство, опирающееся на Бога, всегда и везде олицетворяло насилие, тиранию и эксплуатацию. Только для отдаленного будущего Бакунин признавал возможность создания «мирового революционного государства», которое по природе своей перестанет быть государством. Не менее яростно нападал на институт государства Кропоткин. Государство — это «союз взаимного страхования между помещиком, попом, солдатом и судьей», созданный, чтобы увековечить господство*.

Институт государства, по Кропоткину, ни в коем случае не следует смешивать ни с обществом, ни с правительством. «Государство, — писал он, — есть лишь одна из тех форм, которую общество принимало в течение своей истории»**. Продолжая линию, идущую от Макиавелли, Кропоткин выделяет причины возникновения государств не из внутренних противоречий, как это делали К. Маркс, Ф. Энгельс, а из внешних: войны между племенами и захват одних другими привели, по его мнению, к созданию первых государственных образований. Не принимая марксистской периодизации истории как смены общественно-экономических формаций, Кропоткин отошел и от оказавшего на него большое влияние классического позитивизма, рассматривавшего историю в виде непрерывной цепи развития. Развитие человеческих обществ, согласно Кропоткину, не было непрерывно. Оно несколько раз начиналось (в Индии, Египте,

* Анархизм. М., 1999. С. 122.

** Там же. С. 75.

Месопотамии, Греции, Риме, Скандинавии и Западной Европе), причем каждый раз из первобытного «рода», а затем сельской общины. Конечно, опыт каждой предшествовавшей цивилизации, по Кропоткину, «не утрачивается вполне». Что же касается господства государства в истории России, то это неизменно, и притом по восходящей линии, ведущей к тотальной централизации, к подавлению личной и общественной жизни, а в конечном счете к застою и гибели.

Сохраняя верность постулатам «классического анархизма», неоанархисты допускали существование авторитета и власти в экономических, политических, семейных отношениях (Карелин), их проявления в природе «индивидуального человеческого сознания» (Боровой), разновидность «разделения властей» (Я. Новомирский). Некоторые историки анархизма последнего времени, познакомившись с недоступными ранее изданиями 20-х гг. по анархизму, заявили, что постклассический анархизм высветил ряд новых аспектов традиционных проблем (проблемы многомерности мира человека, его сознания, свободы, роли интеллигенции, бюрократии, планетарные и космические аспекты развития и организации человеческой цивилизации). Не отрицая, что в постановочном плане анархистами действительно были высказаны некоторые новые идеи, отметим их слабую аргументированность. Если Бакунин не смог в полной мере оформить свои взгляды в стройную систему анархистского миропонимания, охватывавшего природу и общество, то его последователю Кропоткину, на наш взгляд, удалось создать универсальную доктрину анархизма.

Что же предлагали анархисты в качестве модели общественного преобразования России? Надо отдать должное пропагандистскому таланту Бакунина, который с лихвой покрывал недоработки в области теории. У русского народа, чтобы выйти из тяжелейшего состояния, в котором он оказался, есть, по мнению Бакунина, три пути: кабак, церковь и социальная революция. Предпочтение отдавалось им, бесспорно, революции, понимаемой как разрушение «всех учреждений неравенства и установление экономического и социального равенства». Революция, по мнению Бакунина, должна быть всемирной, т. е. охватывающей цивилизованную часть человечества. В противном случае она, считал он, обречена на поражение. Хотя подобная революция по всем своим ха-

рактикостикам должна быть народной, руководить ею будут представители революционного генерального штаба. В период Парижской коммуны Бакунин чувствовал всю сложность применения анархистских рецептов для спасения Франции. Он стал упрекать ее руководителей, создавших революционное правительство, в приверженности к государственности. Только глубокие революционные преобразования могут смести весь мусор государственности, накопившийся за долгие столетия господства государства. Такая же идея звучала и в ранних произведениях Кропоткина. И только с середины 80-х гг. XIX в. в позиции Кропоткина все больше и больше стали преобладать мирные нотки. Как и Бакунин, Кропоткин полагал, что государство должны заменить городская коммуна и сельская община. «Основанная на общем владении землей, — писал он, — а нередко и на общей ее обработке, обладающая верховной властью, и судебной, и законодательной на основании обычного права — сельская община удовлетворяла большую часть общественных потребностей своих членов»*. И вместе с тем Кропоткин предостерегал от идеализации общинных порядков, поскольку и в общине могут возникнуть органы подавления личности, наподобие государственных.

Возвратившись в революционную Россию, Кропоткин стал более трезво оценивать практические возможности осуществления анархистского идеала. Широко развившаяся в предвоенные годы кооперация, по его мнению, представляла единственный путь к анархизму. Отказав в сотрудничестве почти всем печатным анархистским изданиям, он поддержал своим авторитетом только анархо-кооперативный листок «Почин». В 4-м номере «Почина» помещено интервью с Кропоткиным, которое озаглавлено «Кооперация, как практический путь к анархизму». Насколько большое значение придавал Кропоткин этому вопросу, свидетельствует его беседа о кооперации с В. И. Лениным в мае 1919 г., в которой он настаивал на необходимости скорейшей отмены практики «военного коммунизма» и перехода к товарному хозяйству. Он показал себя гибким экономистом, допуская, что обществу придется пройти через ненавистную анархистам стадию национализации. Не исключал и денежное обращение, подчеркивая, правда, необходимость передачи права на эмис-

* Там же. С. 85.

сию органам кооперации, а не государству. «Деньги, — писал он, — должны стать исключительно мерилom доверия»*. Процесс федерализации общества «снизу вверх», создание региональных производственных объединений и отраслевых союзов сохранило бы целостный социально-экономический организм общества. Рост производительности обобществленного труда, исчезновение классов и т. п. обязательно должны привести к преодолению разделения труда, к соединению умственного труда с физическим и, в конечном счете, создать условия для перехода к анархическому мироустройству.

Оставляя для себя право критики, Кропоткин, как и Карелин, Атабекян, А. А. Боровой, А. Ю. Ге и другие поддержал большевиков. Боязнь реставрации оказалась сильнее разногласий по методам построения нового общества. Наиболее дальновидные из них предвидели наступление диктатуры и стремились смягчить ее последствия. Они предсказывали абсолютную неудачу в построении социализма, которая ждет большевиков, если они оставят в руках государства все рычаги политической, хозяйственной и духовной жизни.

Анархизм, являющийся одним из направлений философии права и одновременно социально-политическим движением, отрицающим институт власти и государства, привлекал к себе людей, имевших определенный тип бунтарского сознания, который формировался на базе особых генетических, психологических и социальных факторов. В разные периоды развития человечества представители этого типа сознания становились: христианами в Древнем Риме, протестантами в католической средневековой Европе, коммунарами во время Парижской коммуны, народниками в России.

Тип бунтарского сознания предопределил плюрализм взглядов и множественность направлений и течений в анархистском движении. <...>

В 1921–1922 гг. анархизм, загнанный в угол преследованиями «советской охранки», перестал быть политическим течением. В процессе развития революции и укрепления советской системы, тоталитарные контуры которой проступали все отчетливее, отдельные группы анархистов перешли на сторону новой власти. Логическим следствием этой эволюции был отказ от «ошибок мо-

* Почин. 1920. № 4. С. 2.

лодости» и вступление в ряды РКП (б). Какое-то время анархизм теплился в секции анархистов при Всероссийском общественном комитете по увековечению памяти Кропоткина. После кончины Кропоткина в 1921 г. «теоретики анархизма» подвергли критике его теоретическую и практическую программу, и это заставило его дочь, Александру Кропоткину, ответить на упреки: «У гроба нет места полемике. Он понимал, что ошибки неизбежны в момент строительства новой жизни и что строителям приходится работать в тесном лагере, окруженном кольцом врагов. И если он так мало возвышал свой голос за последние три года... то это потому, что он не желал дарить оружие своей критики людям, смотрящим назад, а не как он вперед». Через пять-семь лет после смерти Кропоткина от работы в Комитете отходят Карелин, Атабекян (1925), Боровой (1928). Захвативший руководство анархистской секцией комитета А. А. Солонович сделал безуспешную попытку вдохнуть новую жизнь в ее работу, но его концепция, полная мистики, туманная форма изложения привлекала к нему только близких по духу молодых адептов анархизма. <...> Анархизм в России надолго сошел с исторической и общественной сцены.

